

шел на Балканы, отделился от них и добровольно присоединился к войску императора; обращает ученый внимание и на обстоятельство, позволяющее судить о соотношении сил государств той эпохи: русские летописи о нашествиях на русскую землю печенегов в 70–80-х годах XI в., о битвах с ними и победах русских князей сообщают в спокойном тоне как о заурядном явлении, нападение же отброшенных от границ Руси печенегов на империю обернулось для нее страшной трагедией.

Удивляет, пишет ученый, не тот факт, что помогавшие Алексею I половецкие ханы Тугоркан и Боняк не догадывались о своей решающей роли в спасении империи, – поражает непонимание этого современными исследователями. Упомянутые ханы не знали ни папы, ни графов, но и их, в свою очередь, “не хотели знать не только благочестивые повествователи о папе Урбане на Клермонском соборе и о Петре Амьенском, но и новейшие исторические исследователи, привыкшие, подобно своим средневековым предшественникам, смотреть на ход истории только под своим углом зрения”³⁴.

Пора, однако, сделать оговорку, которая должна иметь силу для всего дальнейшего изложения. Здесь не место для критического разбора научных заключений и представлений Васильевского. Конечно, за сто и более истекших лет наука ушла далеко вперед: стали известны новые источники, критически переизданы старые, умножилось число исследователей, усовершенствовалась методика работы. Изложение выводов ученого не преследует цели дать перечень тех из них, которые сохранили полностью свою научную значимость до сих пор. Цель данной заметки – дать представление о месте творчества Васильевского в процессе исторического познания, о том, что нового – для времени жизни Васильевского – вносили его труды в византиноведческие исследования.

Сразу же вслед за рассмотренной выше темой (Византия и печенеги) Васильевский обратился к проблеме русско-византийских отношений. Труды ученого в этой области имели решающее значение для утверждения в российском византиноведении устойчивой традиции – постоянно держать эту тему в числе приоритетных. Ее изучение он считал научным долгом русских византинистов по двум главным причинам: так как Византия оказала огромное влияние на все стороны жизни Руси и так как данная тема (и даже история Византии вообще) более доступна православным людям славянского происхождения, ибо связана с самим “русским самосознанием”³⁵.

Приступая к исследованию, Васильевский подчеркивал, что ни в коей степени не считает себя компетентным в коренных вопросах русской истории и потому не намерен ввязываться в спор норманистов и антинорманистов³⁶. Он ставит в центр внимания три положения, широко признанные в отечественной историографии: 1) что известное в Византии с XI в. имя “варягов” связано с прибытием туда в 980 г. варяжской дружины, изгнанной из Киева, по летописи, за бунт князем Владимиром; 2) что византийцы с самого начала (т.е. с XI в.) всегда и везде отличали варягов от русов и нигде их не смешивали; 3) что Русь XI столетия, безусловно, Русь славянская.

Считая третье положение бесспорным, Васильевский занялся двумя другими, особенно вторым, показав их полную несостоятельность. Труд “Варяго-английская и варяго-русская дружина в Константинополе XI и XII веков” вышел двумя выпусками в 1874 и 1875 гг. и, несмотря на скромно очерченную цель, приведенную выше оговорку о “некомпетентности” и о намерении проверить расхожие мнения свидетельствами византийских современников, произвел сенсационное впечатление на научный мир. В 1876 г. 38-летний ученый был избран членом-корреспондентом Российской

³⁴ Васильевский В.Г. Труды. Т. I. С. 96 (Византия и печенеги).

³⁵ Васильевский В.Г. Византийский временник за 5 лет. С. 134–138.

³⁶ Васильевский В.Г. Труды. Т. I. С. 180–181.